

Я проснулся, почувствовал себя бодрым и посмотрел на часы. Я проспал два часа. Посмотрев вниз, я увидел, что из-под одеяла высывается пара лисьих ушей и пучок рыжих волос. Левой рукой я неловко откинул одеяло, чтобы открыть Лиску.

Она свернулась в клубок вокруг моей правой руки, своего хвоста и мистера Пигглсворта. Хнннг! Даже во сне она такая милая, что у меня вот-вот случится сердечный приступ! Или, может быть, диабет.

Я извлек свою руку из клубка, намотанного на нее, а затем осторожно встряхнул ее.

— Пора просыпаться.

— Нн-нн! — простонала она, свернувшись калачиком. Я подумал о том, чтобы дать ей поспать еще немного, когда ее глаза внезапно распахнулись, и через долю секунды она буквально спрыгнула с кровати и распростерлась на полу передо мной.

— Простите, хозяин! Я не хотела быть непослушной!

Она выглядела искренне напуганной. Неужели кто-то стал бы наказывать свою рабыню, даже любимую грелку для постели, за сонный отказ встать с постели?

Да. Возможно. Иначе она бы не думала, что это может произойти сейчас. Быстрое послушание и абсолютную покорность, вероятно, требует здесь каждый рабовладелец под страхом сурового наказания.

— На этот раз я пропущу это мимо ушей. Ладно, — сказал я, похлопывая себя по коленям. — Давай поправим твои волосы.

Пока она спала, зарывшись под одеяло, у нее испортилась прическа. Она подошла неуверенно, как будто все еще ожидая наказания, пока я доставал расческу. Я снова похлопал по коленям, она повернулась и села.

— Хорошая девочка.

Я, напевая про себя, начал проводить расческой по ее волосам, чтобы они снова стали выглядеть аккуратно. Она постепенно расслабилась у меня на коленях, пока я убирал с ее волос пух, затем я вернулся к расчесыванию ее волос. После этого я легонько погладил ее по голове, а затем несколько раз провёл расческой по пушистому меху на ее хвосте, хотя в этом не было необходимости.

Закончив, я отложил расческу и несколько раз погладил ее волосы рукой. Она такая красивая. Лиска действительно одна из самых красивых девушек, которых я когда-либо видел, и она моя. Я рад, что она моя. Я почесал ей уши, заставив ее на мгновение быстро пошевелить ими,

прежде чем закрыть глаза и позволить себе насладиться этим. Хорошая девочка. Хорошая лисичная, лисичная лисичка. Я стал чесать сильнее, и она снова открыла глаза, выглядя смутно расстроенной, ее левая нога начала подергиваться и спазмировать. Другой рукой, той, которую я положил ей на талию, чтобы удержать ее в неподвижном состоянии, я легонько поглаживал ее по бедру. Я улыбался и продолжал энергично чесать основание ее ушей, чтобы дать ей понять, что стесняться нечего. Она снова закрыла глаза, ее лицо напряженно сощурилось, нога продолжала неконтролируемо подпрыгивать, когда она подставила голову, чтобы мне было удобнее её чесать. Вот хорошая девочка. Видишь? Нечего стесняться. Это очаровательно.

Через некоторое время я успокоился и вернулся к поглаживанию ее волос, а Лиска удовлетворенно вздохнула. И правда, приятно, да? Хммм... Есть еще кое-что, что нравилось моей собаке в детстве, кроме чесания ушей. Я поднял подол футболки, чтобы получить доступ, и начал чесать основание ее хвоста.

Ноги Лиски раздвинулись, спина выгнулась, глаза расширились — если бы я не обхватил ее одной рукой за талию, она бы слетела с моих колен.

— Все окей, сиди спокойно.

На мгновение она нервно посмотрела на меня, затем снова повернулась лицом вперед и развела уши в стороны. Я снова начал чесать основание ее хвоста, но она осталась неподвижной. Я усилил почесывание, немного переместился, чтобы найти нужное место, и... успех. Ее хвост загнулся вверх, и она переложила его на мои колени, чтобы обеспечить мне лучший доступ. Я стал чесать еще сильнее, а она прикусила губу, явно наслаждаясь ощущениями.

— Тебе это нравится?

Она нерешительно кивнула. Доверяя ей и надеясь, что она останется на месте, я взял другую руку и потянулся вверх, чтобы почесать ее левое ухо, одновременно почесывая ее хвост. Ее спина выгнулась, и она на мгновение закрыла глаза в чистом блаженстве, а затем снова покраснела, когда обе ноги начали дергаться. Бинго. Максимальное удовольствие от почесывания достигнуто. Я продолжал так еще некоторое время, а затем стал медленно ослаблять почесывание, пока не прекратил совсем. Она растаяла как масло на моих коленях, прислонилась к моей груди и счастливо вздохнула. Секрет того, как доставить удовольствие моей маленькой лисице, раскрыт. Я позволил ей отдыхать там еще некоторое время, пока она не стала чувствовать себя неловко — Лиска оглянулась через плечо и бросила на меня вопросительный взгляд, а когда я кивнул, она спрыгнула с моих колен и встала передо мной, застенчиво держа хвост в руках.

Я встал и начал ласково гладить ее по голове, потом снова натянул штаны и сел в кресло. Лиска продолжала стоять на коленях рядом со мной и внимательно смотреть на меня.

Я перевернул квитанцию на столе, чтобы было больше пустого места для письма, и взял ручку.

Мне нужно делать заметки.

— Хорошо, Лиска, я собираюсь задать тебе несколько вопросов, и я хочу, чтобы ты ответила на них в меру своих знаний. Если ты чего-то не знаешь или не уверена, просто скажи мне — обещаю, я не расстроюсь только потому, что ты чего-то не знаешь.

Она кивнула, видимо, поверив мне. Начинается допрос.

Мы находимся в княжестве Оссетрия, которым правит князь Ян. Княжество является членом большой конфедерации княжеств, герцогств и вольных городов, известной как королевство Брохейм. Предположительно, король является верховным правителем королевства, но на самом деле это относится только к крупному княжеству Пруск, князем которого он также является. В остальном королевстве он подвергается давлению со стороны различных дворян, и, несмотря на то, что теоретически он является верховным правителем, на самом деле у него очень мало власти, по крайней мере, в том, что касается внутренней политики. Традиционно король также является князем Пруска, но корона не является наследственной, главы различных государств-членов голосуют за то, кто из знати станет королем в следующий раз. У каждого государства-члена есть своя валюта, хотя многие из них приняли «официальную» валюту королевства, однако это все еще имеет проблемы, так как каждый регион может делить «стандартную» валюту так, как ему заблагорассудится. Оссетрия перешла на десятичную систему: десять медных монет равны малой серебряной монете, десять малых серебряных монет равны большой серебряной монете, а десять больших серебряных монет равны малой золотой монете. Остальные имеют причудливые деления: одно соседнее герцогство делит валюту на трети, шестые и двенадцатые, другое — на седьмые и четырнадцатые, а близлежащий вольный город — на сотые, выпуская крошечные серебряные монеты, известные в народе как «рыбья чешуя» и полностью отказываясь от медных монет. Очевидно, никому не нравятся «рыбья чешуя», потому что из-за их крошечного размера их легко потерять, а их стоимость настолько мала, что для вещей, которые в противном случае стоили бы одну монету, нужна горсть таких.

Государства-члены королевства Брохейм разделены на три фракции: север, который принял официальную валюту королевства, а также стандартизировал свое оружие и военные подразделения, юг, который стандартизировал свою валюту, военную организацию и, по-видимому, свою письменность по другому набору стандартов, в основном, чтобы противостоять северу, который, по их мнению, слишком доминировал в политике и финансах королевства, и восток, в котором нет стандартной валюты, мешанина различных военных стандартов и оборудования, и который даже не обязательно говорит на том же языке (языках), что и остальная часть королевства. Восток намного меньше двух других регионов/фракций, и в основном считается политически неважным, поскольку государства там редко сотрудничали друг с другом.

Существует также религиозное разделение. Север в основном состоит из последователей ортодоксальной церкви, как и король, юг — из последователей реформаторской церкви, а восток представлял собой смесь этих двух религий, а также одного или двух регионов, где преобладали «языческие верования». По всей видимости, закон королевства гласил, что жители любого региона должны были исповедовать ту же религию, что и их правящий дворянин, поэтому если герцог был ортодоксом, то все в герцогстве были ортодоксами, а если он был реформатором, то все были реформатами. Несколько вольных городов и одно или два

небольших герцогства или княжества допускали свободу вероисповедания, но в основном они находились на востоке.

Таким образом, в целом, политическая и религиозная ситуация действительно была похожа на Священную Римскую империю в начале 1600-х годов. Очевидно, что королевство не было вовлечено ни в какие войны, ни гражданские, ни иные; политическая, экономическая и религиозная напряженность тщательно балансировалась королем, который пользовался поддержкой одних дворян, стремившихся сохранить мир и стабильность в королевстве, и несогласием других дворян, возмущенных тем, что король осуществляет над ними власть любого рода. Кроме того, существовала нависшая угроза внешних сил, которые удерживали в союзе даже самых непримиримых членов королевства, хотя Лиска не могла сказать мне, кто или что это были за силы — очевидно, до того, как она стала рабыней и была обучена работе наставницы, она практически ничего не знала о ситуации в королевстве в целом и еще меньше знала о других народах.

— Ты не родилась рабыней?

— Нет, — неловко ответила она. — Мой отец продал меня, чтобы расплатиться со своими игорными долгами в прошлом году.

Ох.

— У меня было два брата, но мальчиков нельзя брать в рабство, если они не совершили преступления, поэтому, когда какие-то люди пришли... напомнить ему о его долгах, он взял меня в город и продал. Он сказал, что я достаточно красива, чтобы я могла стать сексуальной рабыней, поэтому он должен получить за меня много денег. Но я попросилась у работоторговца стать наставницей, а не секс-рабыней.

Хотя он явно рекламировал ее как таковую, указывая такие характеристики, как «девственница» и «она не может забеременеть от вас, потому что она другого вида»

— Когда они узнали, что я умею читать по-хратчански и по-куршски, на общем языке, они решили, что я буду более ценна как наставница и, э-э, секс-рабыня одновременно.

— Понятно. Как получилось, что ты можешь читать и на том, и на другом языке? Разве умение читать — это обычное дело?

Она покачала головой.

— Вовсе нет. Обычно только дворяне и духовенство могут читать по-хратчански, и только образованные простолюдины могут читать по-куршски. Большинство простолюдинов, особенно в сельской местности, не умеют читать вообще или умеют очень мало.

— Так как же ты научилась читать?

— Мой отец работает пергаментщиком. Он продавал пергамент и велень в монастырь неподалеку, а поскольку я была старшим ребенком, он поручил мне доставлять их. Мне нравилось смотреть на красивые рисунки и слова, которые монахи рисовали на пергаменте, чтобы делать книги, и я приглянулась самому старшему писцу. Я сидела у него на коленях, пока он писал и украшал страницы, и он учил меня читать, пока работал. Иначе я умела бы читать только несколько слов на по-куршски и совсем ничего на хратчанском. — Она на мгновение посмотрела в сторону, прижала уши, и тихо сказала: — Отец бил меня за то, что я так долго не возвращалась из монастыря, но в конце концов это помогло ему получить лучшую цену, когда он продавал меня.

Мне кажется, я почувствовал в этом немного горечи.

— Что бы ты сделала, если бы тебя освободили? Вернулась бы вы к своей семье?

Лиска покачала головой.

— Нет. Отец просто продал бы меня снова, как только его азартные игры снова загнали бы его в долги. Матери было все равно, пока у нее было дешевое вино, а мои братья... младший был милым мальчиком, но я не видела его уже год. Старший был задирой. Он не очень-то меня слушал, поскольку я была девочкой. Я бы не вернулась. Это не дом.

Ах. Возможно, она больше похожа на меня, чем мы оба думали: никто из нас не чувствовал себя своим.

Я протянул руку и поправил ее волосы, вызывая еще одно щелканье ушами, и мягко улыбнулся.

— Ну, теперь ты принадлежишь мне, так что это твой дом.

— Да, хозяин.

Я посмотрел на часы и увидел, что уже поздно. Лиска с любопытством встает и спрашивает:

— Хозяин? Можно вас спросить?

— Конечно, а в чем дело?

— Почему вы все время смотрите на свои украшения?

— Это часы.

Она бросила на меня озадаченный взгляд, как будто это ничего не объясняло.

— Они показывают мне время.

— О! — говорит она, внезапно просветлев. — Я видела что-то похожее раньше, в монастыре. Так там узнавали, когда наступает время молитвы.

Она заворуженно смотрела на мои часы.

— Но часы в монастыре были гораздо больше...¹

Она действительно любопытна. А любопытство — это ум. Такая умная маленькая лисичка.

— Хозяин, есть еще кое-что...

— Продолжай.

— Что значит «окей»? Я слышала, как вы говорили это несколько раз.

А. Окей. Этот термин возник в Америке и с тех пор стал самым популярным заимствованным словом в мире. Его происхождение остается загадкой, но он был популяризирован в ходе президентской кампании Мартина Ван Бюрена, чье прозвище было Old Kinderhook. «Голосуй за ОК».

— Оно означает все в порядке, хорошо, одобрение, или согласие.

— О. Окей.

Она быстро все понимает. Такая умная лисичка. Я погладил ее по голове в знак одобрения, и она улыбнулась в ответ.

— Я думаю, что сейчас самое время для ужина.

При упоминании о еде она вскочила на ноги. Я взял ее поводок, пристегнул его к ошейнику, закрыл за нами дверь и спустился вниз.

Ужин — белое рагу с картофелем, морковью, луком и кусками курицы, плавающими в нем, и горбушка черного хлеба. Лиска практически мгновенно умяла свою еду, а потом взглянула на

мою. Я уже дважды делился с ней своей едой, но она знает, что это было бы превышением ее границ как рабыни, если бы она попросила хозяина отдать ей свою еду.

— Все еще голодна?

Она с надеждой кивнула, прижав уши.

Я помахал рукой трактирщику, чтобы привлечь его внимание, и когда он подошёл, попросил принести вторую порцию. Он поставил ее передо мной, а не перед Лиской, и я пододвинул к ней миску и хлеб. Она все проглотила, а потом откинулась на пятки и удовлетворенно улыбнулась.

— Спасибо, хозяин.

Я закончил ужин и, взяв ее поводок, повел ее обратно вверх в нашу комнату. Уже темнело, поэтому я достал зажигалку и зажег свечу, затем закрыл ставни на окне. Лиска бросила на меня любопытный взгляд.

— Как вы так легко зажигаете огонь?

Я достал Zipro и объяснил ей принцип работы. Она завороченно смотрела.

— Так гениально! А там, откуда вы родом, у них много таких?

— Да, это так.

— Это намного удобнее, чем использовать кремень и кресало! Вы могли бы разбогатеть, просто продавая их!

Я, наверное, смогу. Если предположить, что они делают подходящее топливо, я мог бы поработать с кузнецом над созданием прототипа. Хм, у них нет редкоземельных элементов, используемых для изготовления «кремня» для зажигалки, но пистолет wheellock этой эпохи работает примерно так же, как зажигалка Zipro, а те использовали железный пирит для получения искры. Вероятно, он будет более громоздким, чем Zipro, но я уверен, что смогу сделать функциональную зажигалку с помощью имеющихся на сегодняшний день технологий и продать ее. Это определенно то, над чем стоит подумать — возможно, сейчас у меня достаточно денег, но мне нужно думать о долгосрочной перспективе. В конце концов, я застрял здесь до конца жизни.

— Не хочешь ли вы снова послушать музыку?

Она с энтузиазмом кивнула, и я достал Zune, показал ей, как им пользоваться, и дал ей это

сделать. Она стояла на коленях на ковре, держа наушники в руках, и плавно покачивалась из стороны в сторону в такт музыке. Я сел в кресло и, перевернув квитанцию на ту сторону, на которой писала Лиска, сделал несколько пометок для идей, как заработать деньги. Например, средневековые зажигалки Zipro. В 1700-х годах для зажигания костров они использовали то, что по сути было механизмом кремневого пистолета; если моя идея с зажигалкой сработает, это будет бессмысленно, учитывая дополнительный объем того, что по сути является пистолетом, по сравнению с зажигалкой, которая помещается в карман, но если конструкция зажигалки не сработает, то ударник от кремневого замка сработает. На самом деле, во время Тридцатилетней войны — эпохи, которой примерно аналогичен этот мир, — огнестрельное оружие в основном состояло из спичечных замков, которые полагались на медленно горящий фитиль, или более сложных ружей, которые были менее восприимчивы к сырой погоде и не требовали постоянно горящего фитиля, но были не слишком надежны и очень сложны в изготовлении.

Кремневый замок заменил обе конструкции, поскольку он был проще колесцового замка, а также удобнее и надежнее любой из них. В зависимости от того, насколько здесь развито огнестрельное оружие, я смогу совершить революцию в оружейном деле на десятилетия или даже столетие раньше, чем в моем мире. Это определенно проложит мне путь к богатству. Что еще? Я мог бы внедрить паровой двигатель; весельные лодки, поезда и многое другое также произвело бы революцию в этом мире, даже больше, чем слегка усовершенствованное огнестрельное оружие. Я бы вошел в историю как гениальный изобретатель.

Исчерпав все идеи, которые потенциально могли бы сработать, и отбросив несколько, которые явно не сработают, поскольку я не знаю, как воспроизвести технологию, я отложил ручку и бумагу, затем пару раз щелкнул пальцами, чтобы привлечь внимание Лиски. Она оживилась, сняла наушники и посмотрела на меня, чтобы понять, чего я хочу.

— Достаточно музыки. Уже поздно, так что нам пора готовиться ко сну.

Она вернула мне Zune, я выключил его и засунул в рюкзак.

— Могу ли я завтра послушать его снова, хозяин?

— Конечно. Но сейчас пора спать.

Лиска подошла ко мне и помогла снять ботинки и носки, а потом терпеливо стала ждать в сторонке, пока я снимал штаны и складывал их на стул. Откинув одеяло, я забрался в кровать и похлопал по матрасу рядом с собой. Она встала с ковра, на котором, очевидно, ждала, пытаясь понять, стоит ли ей там спать, и села на край кровати, неуверенно глядя на меня. Я снова погладил кровать, и она легла рядом со мной. Обняв ее за плечи, я пару раз нежно погладил ее по волосам, глядя вниз и любуясь ее голыми стройными ногами. Вручив ей мистера Пигглсворта, я подтолкнул ее в бок, затем поднял рубашку настолько, чтобы обнажить ее зад и основание хвоста. Напрягаясь, она нервно сжала мистера Пигглсворта, глядя на меня поверх его головы.

Она немного расслабилась, когда я почесал основание ее хвоста, но я держал одну руку на ее плечах на случай, если она станет пугливой. Кончик ее хвоста слегка подергивался у моей ноги, когда я сильнее чесал ей крестец, у самого основания хвоста, и она издала писк удовольствия. Я гладил ее по голове, затем притянул ее к себе, положил одну ногу на ее, как будто она — дакимакура, и натянул на нас одеяло. Полагаю, теперь она моя вайфу.

Задув свечу, я стал держать левую руку над ее плечами, чтобы она могла использовать ее как подушку, а правой обнял ее. Она снова напряглась, когда я провел рукой по ее рубашке и нежно коснулся одной из ее грудей, а затем начала дрожать.

— Спокойной ночи, — сказал я, закрывая глаза и сохраняя эту позу. Через некоторое время она, очевидно, поняла, что я больше ничего не собираюсь сделать, и успокоилась.

— Спокойной ночи, хозяин, — прошептала она в ответ.

В эту ночь я спал лучше, чем когда-либо прежде.

Примечания:

1. В оригинале ГГ говорит о «watch», наручных часах, Лиска же использует слово «clock», башенные часы, и не знает слова «watch». В русском такого противопоставления нет, поэтому пришлось сделать Лиску в принципе не знающей слова часы

<http://erolate.com/book/3187/76919>